

## Магия, разврат и... переводы\*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *ТОГОЕВА О. И.* (2022). *КОРОЛИ И ВЕДЬМЫ: КОЛДОВСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XII-XVII ВВ.* М.-СПб.: ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ. — 328 с. ISBN 978-5-98712-334-8

*Александр Марей*

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Центр перспективных социальных исследований, Институт общественных наук Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Адрес: пр. Вернадского, 82, Москва, 119571

E-mail: marey-av@ranepa.ru

В рамках христианской культуры магия всегда считалась (да и считается) чем-то по меньшей мере предосудительным, и тому есть несколько причин. Первая, и самая очевидная — прямой запрет на использование магии, содержащийся в книгах Ветхого Завета, и крайне негативное отношение к ней в книгах Нового Завета. Вторая причина, может, и менее очевидна, но ничуть не менее интересна. На протяжении подавляющей части своей истории христианство является политической религией и христианская Церковь идет рука об руку с властью, а значит, то, что задевает власть духовную, не может не волновать власть светскую.

Поэтому магия, колдовство, ведовство — терминологический ряд можно продлевать еще долго — с самого начала деятельного сотрудничества Церкви и власти считались занятиями запретными, иногда даже уголовно наказуемыми. Несмотря на это, они, с одной стороны, всегда были притягательными для власть имущих, поскольку давали им доступ к неведомому, к силам и знаниям, недоступным простым людям. Сильных правителей магия притягивала возможностью узнать будущее, слабым давала иллюзию силы, поскольку обещала им контроль над потусторонним миром. С другой стороны, власть традиционно преследовала магов и колдунов не только по религиозным соображениям, но и потому, что они своими действиями угрожали монополии правителя на знание и силу на контролируемой им территории. Так что немудрено, что при сильных правителях оккультные науки развивались менее интенсивно, тогда как при слабых их земли полнились всякого рода прорицателями, гадалками и прочими, вплоть до некромантов и заклинателей демонов.

Проблема взаимосвязи и взаимоотношений магии и власти в европейском сообществе XII-XVII веков подробно разбирается в недавней книге Ольги Игоревны Тогоевой, вышедшей в издательстве «Центр гуманитарной литературы» в прошлом году. О.И. Тогоева — ученица Юрия Львовича Бессмертного, одного из основных адептов направления микроистории в отечественной науке, и сама много лет работает в рамках этой парадигмы. Возможно, это объясняет построе-

---

\* Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ние материала в книге — там мало обобщающих выводов и генерализирующих объяснений. Напротив, свои идеи автор доносит через большое количество историй отдельных, конкретных людей: инквизиторов, ведьм, колдунов, героев и доносчиков, монархов или простых мирян. На первый взгляд неискушенного читателя книга сначала может показаться просто собранием таких занятых историй о колдовстве, ведьмовских процессах и королях. Если же вчитаться, становится видна авторская концепция, о нескольких моментах которой я и попробую порассуждать на последующих страницах, предварив это кратким анализом структуры монографии.

Книга состоит из двенадцати глав, сгруппированных в три раздела, в первом из которых рассматривается колдовство как часть политического (с. 17-118), второй посвящен анализу мифологемы королевства дьявола на земле (с. 119-222), а в третьем собраны наблюдения Тогоевой о внешнем облике ведьм, как его описывали источники (с. 223-275). Помимо этого, в книге есть введение с заключением и перечень использованной литературы (с. 285-313). Иными словами, на уровне структуры вся книга, получается, выстроена по единой логике, от анализа теории, через практические импликации теоретических выкладок к визуальным материалам, то есть к изображениям уже не всеобщего, но единичного.

В главах первой части Тогоева обращает внимание на то, как колдовство вписывалось в контекст средневековых политических и богословских теорий. Причем отмечу отдельно, что она анализирует именно богословский дискурс о колдовстве и власти, оставляя за пределами анализа дискурс юридический, что неизбежно несколько искажает панораму. Не погружаясь в развернутый анализ нормативного регулирования магии в период от поздней Античности до высокого Средневековья, отмечу только, что, начиная как минимум с «Кодекса Феодосия», т. е. с 438 года, правовые своды традиционно включали в себя более или менее развернутую подборку соответствующих норм. Их анализ, безусловно, представляет собой отдельное большое исследование, и уже потому нелепо было бы строить на его отсутствии претензии к рассматриваемой книге. Но полагаю, что упомянуть эту юридическую традицию и, может быть, дать ее краткий, лапидарный, очерк, возможно, стоило. Тем более что при разговоре о так называемых «ведьмовских процессах» одним из наиболее ценных источников для Тогоевой оказываются как раз судебные протоколы.

В богословской модели рассуждения о магии Тогоева, вслед за другими исследователями, выделяет две традиционные опорные точки, а именно один из канонных, вошедших в состав «Декрета Грациана» (т.н. канон *Episcopi*), и «Поликратик» Иоанна Солсберийского. Первая глава книги посвящена как раз анализу взглядов Шартрского прелата на колдовство и его связь с ремеслом правления — указывая на важность этого автора, Тогоева совершенно справедливо отмечает, что «*проблема присутствия в свите правителя, в его самом близком окружении колдунов всех мастей <...>, а также ведьм, склонных к наведению порчи, в полном объеме впервые оказалась рассмотрена именно в “Поликратике”*» (с. 17).

В отличие от достаточно обширной предшествовавшей ему традиции, в которой занятия колдовством часто приписывались людям ученым, то есть, во-первых, мужчинам, а во-вторых, имевшим серьезное — практически профессиональное — образование, Иоанн Солсберийский сделал акцент на женском колдовстве. Определение магии как женского занятия было для него принципиальным вопросом по ряду причин, прежде всего потому, что магия попадала для него в разряд безусловных соблазнов. Соблазном она была двояким — тем, кто сам занимался ею, она давала иллюзию могущества, тем же, кто становился клиентом ведьм, колдуний и прочих гадалок, магия служила еще и развлечением. Именно так, через сферу развлечений, магия, согласно Иоанну Солсберийскому, утверждалась при дворах людей, власть имущих (с. 22-23, 30-33 и т. д.). Там она тесно соседствовала с развратом — правитель, прибегавший к услугам женщин, занимавшихся колдовством, по мнению прелата, был всегда склонен и к другим их услугам, прежде всего к блуду. Правда, в отличие от прелюбодеяния, греха, разумеется, тяжкого, но душу не убивающего, увлечение магией в итоге приводило к тому, что правитель превращался в «адепта дьявола (*прародителя всякой похоти и колдовства*), в тирана, потакающего лишь собственным страстям, и, как следствие, в самого Люцифера» (с. 33).

На этом тезисе Тогоевой стоит остановиться подробнее, тем более что она в своей книге возвращается к этой эволюции несправедливого правителя неоднократно (с. 33, 37, 119 и т. д.). Мне представляется, что здесь автор допускает слишком широкое толкование слов Иоанна Солсберийского — если внимательно приглядеться к цитате, которую она приводит в подтверждение этого тезиса, можно увидеть, что нечестивый правитель становится *подобием Люцифера, его образом*, но не им самим. Более того, в начале этой фразы Иоанн Солсберийский прямо пишет: *Imago quaedam divinitatis est princeps et tyrannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago*, то есть «Князь есть образ Божества, тиран же — образ противоположной силы и Люциферова нечестия». Это представляет собой прямую отсылку к идеям средневекового энциклопедиста Исидора Севильского, а через него и Аврелия Августина. Праведный правитель в рамках этой парадигмы осмыслялся как подобие Бога, его наместник на земле, тиран же представлял собой его полную противоположность, то есть образ дьявола, но ни в коем случае не самого дьявола.

Несколько забегаю вперед, отмечу, что этот тезис оказывается принципиальным для всей второй части книги Тогоевой, посвященной рассказу о *королевстве дьявола на земле*. Как превосходно показано автором на с. 122-124, когда средневековые богословы писали о вербовке дьяволом себе адептов и создании своего королевства *здесь и сейчас*, на земле, среди людей, они отсылали своих читателей к образу двух градов, созданному Аврелием Августином. Королевство дьявола, по мнению богословов, имело свое население, но не имело территории, его подданные были рассеяны то тут, то там. Подобное описание представляло собой искаженное описание *Града Божьего*, как описывал его Августин. Как и Град Божий,

королевство дьявола было везде и нигде одновременно. Его подданные странствовали среди людей града земного, совращая их, сбивая их с пути истинного и заставляя поклоняться своему владыке. То есть дьявол, в отличие от своих земных подобий — тиранов, не занимал какой-то конкретной геополитической точки, *имитируя* тем самым своего создателя, то есть Бога (не зря ведь дьявола называли «обезьяной Бога»). Более того, когда и если в каком-либо королевстве приходил к власти тиран, подражавший в жестокости и нечестии самому Люциферу, его королевство не становилось *королевством дьявола на земле*, что лишний раз подтверждает, что тиран был лишь *подобен* сатане, но не более того.

Заканчивая разговор о концепции Иоанна Солсберийского в книге Тогоевой, обращаю внимание на еще одно ее наблюдение, которое, при всей его кажущейся очевидности, очень сложно переоценить. Рассказывая о *возвращении* Иоанна Солсберийского в интеллектуальную жизнь Французского королевства в XIV веке, она отмечает, что оно стало возможным «*прежде всего благодаря деятельности переводчиков*» (с. 55). Здесь я позволю себе ненадолго остановиться, хотя для рецензируемой книги это наблюдение и имеет, скорее, побочный характер. Мы говорим сейчас о культуре Французского королевства второй половины XIII — первой четверти XIV века, то есть, во-первых, о стране, где многие еще читали (и даже говорили) на латыни, а во-вторых, о стране, язык которой гораздо ближе к латыни и одновременно к английскому, чем наш современный русский язык. И тем не менее даже там широкое знакомство образованной публики с сочинением Иоанна Солсберийского начинается в результате с создания переводов его трактата на *народный* язык. Мне бы очень хотелось, чтобы это наблюдение стало очевидным для как можно более широкого круга наших соотечественников, в том числе облеченных властью, — лишь посредством переводов, многочисленных, разнообразных и постоянных, мы можем развивать свою собственную интеллектуальную культуру. И поэтому на переводы не надо жалеть ни времени, ни денег, а тех, кто способен грамотно переводить, стоит всячески поощрять к этому занятию. В Средние века люди это понимали прекрасно, сейчас, кажется, это понимание, к сожалению, куда-то ушло.

Рецензировать вторую и третью части монографии Тогоевой очень и очень не просто, прежде всего потому, что если начать пересказывать ее основные тезисы, оставляя за пределами пересказа отсылки к конкретным средневековым источникам, может показаться, что речь идет о современном нам мире, причем в худших его проявлениях. Собственно, практически так оно и есть, поскольку внимательное прочтение «Королей и ведьм» показывает, что мир, по сути, изменился очень мало. Это прекрасно видно, в частности, когда читаешь главу «Обратная сторона войны», посвященную демонологическим трактатам, написанным во Франции в последние годы Столетней войны и в первое время после нее. Прежде всего речь идет о трактате «Бич колдунов», созданном профессором университета Пуатье, теологом Пьером Мамори. Уже в первых строках своего трактата Мамори обвинял англичан в том, что они активно пользовались колдовством, чем объяснялись

их победы в предшествующие годы, и в том, что именно они научили колдовству французов, незнакомых прежде с магическими практиками (с. 143). И если с точки зрения демонологических трактатов *национальный* пафос Мамори был уникален — как подчеркивает Тогоева, ни один из предшествовавших ему французских демологов таких утверждений себе не позволял, все обычно фиксировали разгул магических практик во Франции, погруженной в хаос войны, но никто не обвинял в этом иностранцев, — то с точки зрения политической культуры все выглядело по-другому. Уже с середины XV века можно выделить во Франции сформировавшуюся традицию *«наделять бывших военных противников всеми возможными отрицательными чертами, вплоть до их ассоциации с поклонниками Сатаны, то есть с вероотступниками и колдунами»* (с. 158).

Те же самые впечатления не оставляют при чтении глав о Жане Бодене, а также глав третьей части, посвященной канону изображения ведьм в средневековых и раннемодерных текстах. Только применительно к главе «Обратная сторона войны» речь идет о практиках расчеловечивания своих военных оппонентов — ведь, по сути, не столь важно, называть их сторонниками сатаны или, скажем, орками, главное — показать, что они не люди, и их победы, если они и есть, это победы нечисти над верными людьми. Главы же, посвященные Жану Бодену, Якову I, феномену «народного надзора» за ведьмами в Англии XVII века, а также проблеме описания внешнего облика ведьм и колдунов, отсылают к таким практикам, как разработка детального реестра врагов (или иностранных агентов, к примеру), поощрения доносительства и собственно конструирование внешности врага путем выделения ряда повторяющихся, хрестоматийных атрибутов (например, леворукость, рыжие волосы и косящие глаза у ведьм; или — почему бы и нет? — рубаха-вышиванка и чуб). И все эти практики оказываются хорошо знакомыми, да к тому же еще и воспроизводимыми здесь и сейчас, в современном медиапространстве.

С другой стороны, нельзя не отметить и еще один момент — и им завершить эту краткую рецензию, — касающийся того, почему книга Тогоевой, посвященная вроде бы историческим реалиям XII–XVII веков, звучит сейчас так пугающе актуальна. Полагаю, дело в том, что мы до сих пор не избавились от страха перед магией и не можем преодолеть, снять эту преграду. О том, что это утверждение близко к истине, свидетельствует, в частности, официальное табу на обращение к магическим практикам, нарушение которого ведет, конечно, уже не к уголовному наказанию, но к сильнейшему общественному порицанию. В качестве примера можно вспомнить относительно недавнюю историю, когда были опубликованы записи телефонных разговоров проректора одного из московских вузов с гадалкой. Это, по сути, совершенно невинное событие, не заслуживающее вроде бы вообще никакого внимания со стороны посторонних людей, вызвало невиданной силы шквал комментариев критического, да и просто оскорбительного толка. Магические практики и сейчас остаются зоной предельного, сам заход в которую стигматизирует того, кто на это осмелился. И поэтому книгу О. И. Тогоевой читать

безумно интересно не только из-за ее фабулы (ведь автор — превосходный рассказчик), но и по причине того, что в очень многих рассказанных там историях легко опознается современное нам общество.

## Magic, Debauchery and... ..Translations

Book review: Togoeva O. (2022) *Kings and Witches: Magic in Western European Political Culture, 12-17th cent.* Moscow-Sankt-Peterburg: Centre gumanitarnyh initsiativ. —328 p.  
ISBN 978-5-98712-334-8

*Alexander V. Marey*

PhD in Law, Senior Researcher, Center of Perspective Social Studies, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration  
Address: Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia  
E-mail: marey-av@ranepa.ru